

РЫЦАРЬ «ОРДЕНА» ЕЛЕНЫ ПРЕКРАСНОЙ

Мы знаем Александра Ивановича Демченко как главного знатока и пропагандиста искусства Е.В. Гохман, автора многочисленных статей и монографий, посвящённых её творчеству (последняя – «Ave, Елена» – не так давно вышла в Германии), создателя либретто двух опер композитора, организатора юбилейных научных чтений, посвящённых 80-летию со дня рождения Е.В. Гохман в 2015 году, неутомимого организатора и ведущего её авторских концертов. Подвижническая деятельность А.И. Демченко давно воспринимается как нечто само собой разумеющееся и не выделяется в контексте его многообразной и чрезвычайно продуктивной научной деятельности как нечто особенное или выдающееся. Но если задуматься,

то в наше время приоритетов личной успешности и утилитарных отношений подобное подвижничество, сопоставимое разве что с рыцарским служением Прекрасной Даме, заслуживает самого пристального внимания. Заслуживает хотя бы в назидательных целях, но в большей степени, конечно же, как выражение искреннего восхищения и признательности.

Благодаря усилиям А.И. Демченко, заботящегося и о сохранении в памяти саратовцев имени композитора, прославившего эту землю созданными на ней шедеврами, и о расширении круга

почитателей её творчества за пределами нашего города, мы имеем возможность соприкоснуться с этими шедеврами снова и снова. Прошедший в октябре 2017 года концерт подарил радость новой встречи с музыкой Елены Владимировны и стал новой точкой отсчёта в судьбе её творческого наследия. Во время этого концерта состоялась презентация созданного А.И. Демченко Фонда Елены Гохман, скорее напоминающего Орден подвижников, вдохновляемых благородной целью сохранения памяти о композиторе в живом звучании его музыки. По следам этого исторического концерта и в преддверии юбилея А.И. Демченко мы встретились с ним как с главным героем этого предприятия. В центре нашей беседы –

сам Рыцарь, его Прекрасная Дама и Фонд её имени.

– Александр Иванович! Перед началом концерта, пока зал наполнялся слушателями, а исполнители готовились к выступлению, в зале звучала музыка Елены Владимировны в записи, создавая атмосферу уже начавшегося концерта, потому что не слушать было нельзя. Как Вы объясните это удивительное свойство её музыки притягивать слушательское внимание, моментально настраивая на свою волну?

– Действительно, перед началом концерта звучала музыка, записанная на диск под общим названием «Траурная музыка», которая осенью 2010 года в течение почти полутора часов звучала во время церемонии прощания с Еленой Владимировной. В том числе это были фрагменты из оратории «Ave, Maria», балета «Гойя» и один из её самых знаменитых опусов – Элегия (средняя часть концерта для оркестра «Импровизации», давно существующая как отдельное произведение в переложениях для самых разных инструментов). Характерно элегическая настроенность, идущая непосредственно от сердца к сердцу, образует то стержневое начало в её музыке, которое очень корреспондирует русскому духу, проявившееся в таком хорошо известном,

знаковом для нас произведении, как «Вокализ» Рахманинова. Элегическая проникновенность очень важна для русского человека, и Елена Владимировна унаследовала эту ноту, которая и делает её музыку такой притягательной для слушателя.

Она была категорически против всякого рода «кабинетной» музыки, как она её называла – музыки сконструированной, засушенной, идущей от головы... Razio, интеллект в её музыке, конечно же, тоже присутствуют, и я не перестаю удивляться разумности того, как это сделано, как попадает в самую точку созданный ею музыкальный образ, поражаюсь её мужской хватке – например, в отношении владения оркестровыми массами, порождающими звуковые глыбы или передающими агрессивный тон, когда она воплощала личину насилия и враждебных человеческой сущности акций, которыми был переполнен прошлый век. Но самое главное состоит в том, что Елена Владимировна пестовала в своём творчестве глубоко человеческую ноту. Её музыка – о человеке и для человека, она общительна и коммуникабельна, и потому сразу же завоёвывает слушателя.

– Концерты из музыки Елены Владимировны всегда были

и продолжают оставаться неотъемлемой частью музыкальной жизни нашего города. Появляются новые заинтересованные исполнители, а сама музыка становится репертуарной. Три наиболее часто исполняемых её произведений – Соната для альты и фортепиано, «Семь эскизов» для фортепиано и вокальный цикл «Бессонница» на стихи Марины Цветаевой. 16 октября они прозвучали в исполнении Анастасии Шевцовой (альт), Татьяны Нечаевой (фортепиано) и Натальи Коваленко (сопрано). Что бы Вы могли сказать о новых интерпретациях этих уже «классических» сочинений, образцовые трактовки которых в своё время были созданы Анатолием Григорьевым (альт), Анатолием Скрипачем (фортепиано) и Натальей Тарасовой (сопрано)?

– Этот концерт лично для меня был очень отрадным, потому что представлены были новые имена, имена молодых исполнителей, которые не только прониклись этим материалом, но и сумели дать новые грани истолкования этой, хорошо знакомой нам музыки. В первую очередь, хотелось бы отметить Татьяну Нечаеву, которая инициировала уже подряд второй концерт из произведений Елены Владимировны – первая авторская программа была ею представлена прошлой весной на сцене Большого зала,

и уже дважды в её исполнении прозвучал цикл «Семь эскизов» для фортепиано.

После концерта ко мне подходили слушатели поделиться своими впечатлениями и, сравнивая с памятной интерпретацией этого сочинения Анатолием Скрипаем, сделавшим его фондовую запись, говорили, что то, что они услышали сейчас, в чём-то было даже интереснее, чем у гения нашего саратовского пианизма. Татьяна Нечаева сумела почувствовать и передать выраженную в этой музыке ноту исключительно обаятельной женственности, а в силу своей молодости, может быть, более живо преподнести элементы джаз-рока, которые присутствуют в «Эпистоле», рассыпанные по канве цитируемой там Прелюдии Шопена ми минор, и в «Эпилоге». Или, к примеру, Скрипая в большей степени удался пародийный образ

«Эпиграммы», построенной на теме известной Песенки трёх поросят. Он, с присущей ему язвительностью, скепсисом к тому, что происходит в окружающем мире, делал это гротескнее и заострённое, в сугубо жёстко-ироническом ключе, тогда как у Нечаевой эта парафраза прозвучала в более смягчённом, юмористическом плане.

Не могу не отметить прочтение Альтовой сонаты Анастасией Шевцовой в ансамбле с Татьяной Нечаевой, оставившее след, как после прослушивания столь же психологически насыщенных произведений Альфреда Шнитке. Многократно исполнявший эту сонату Анатолий Борисович Григорьев после концерта сделал признание, что Шевцова, будучи его ученицей, так глубоко постигла этот материал, что, по его выражению, превзошла своего учителя. И это тоже очень

радостный момент, потому что исполнительская смена идёт в нашей консерватории великолепная.

И по поводу «Бессонницы»: её образцовая интерпретация, бесспорно, принадлежит певице Наталье Тарасовой. Государственная премия России, в своё время полученная Еленой Гохман за этот вокальный цикл, в немалой мере обязана тому блистательному исполнению. Оно было абсолютно адекватным авторскому замыслу, в нём Елена Владимировна слышала именно то, что она вкладывала в свою музыку. Наталья Коваленко в своём выступлении усилила драматическую ноту, грозovou тональность этого произведения. А вот в исполнении Дианы Айсиной, солистки нашего оперного театра, которая тоже обращалась к этому циклу, преобладает лирическая грация. Все три версии имеют право на существование, каждая по-своему хороша. И это закономерно: чем талантливее музыка, тем больше возможностей она даёт для амплитуды интерпретационных решений.

– Одна из Ваших последних монографий объединяет два имени – Гохман и Шнитке, я имею в виду книгу «Два гения с берегов Волги». В своё время Анатолий Скрипай отмечал внешнее сходство между Еленой Владимировной и Альфредом

Гарриевичем как некий мистический знак. А какие параллели находите Вы, будучи исследователем жизни и творчества этих двух композиторов, наших земляков?

– То общее, что их объединяет, состоит в их многонациональном субстрате. Альфред Гарриевич был наполовину евреем, наполовину немцем и фактически русским по происхождению (его бабушка и мама – жители заволжских немецких колоний, которые являются частью российского пространства). Несмотря на то, что раньше русского он узнал немецкий, а иногда даже думал по-немецки, «всё было схвачено русским языком», как он выражался. У Елены Владимировны этот состав ещё шире, потому что там есть очень сильная русская кровь, идущая от матери, причём ещё важнее то, что её мама, Нина Николаевна Быстрова, была представительницей известной волжской священнической династии, искоренённой в советские времена. Кстати, с годами в творчестве Елены Владимировны эта, генетически присущая ей религиозная нота усиливалась и привела к созданию трёх духовных ораторий, которые самым достойным образом увенчали её творческую эволюцию. Свою немецкую фамилию она унаследовала от деда, петербургского интеллигента, очень сильной

личности с немецкими корнями, но был здесь и еврейский элемент. И, наконец, присутствовала даже итальянская кровь, потому что близкими родственниками были Скалигеровы, выходцы из Италии, которые вели свою родословную, ни много ни мало, от фамилии Алигьери, к которой принадлежал великий Данте.

Этот симбиоз и у Елены Гохман, и у Альфреда Шнитке претворился в своеобразную художественную полиэтнику. У Шнитке подобная тенденция развивалась активнее. Скажем, в образной материи его Четвёртой симфонии представлены четыре конфессии: католицизм, протестантизм, православие и иудаизм. У Елены Владимировны полиэтнические корни раскрылись в её тяготении к неоклассицизму, уходящему корнями вглубь веков, вплоть до

Средневековья. Но определяющей была русская национальная суть. Как человек и композитор, она целиком приросла к Саратовской земле, искренне любила тот уголок земли, где жила всю жизнь. Когда мы с ней, прогуливаясь, выходили на Набережную, у неё всегда широко раскрывались глаза – эта ширь, бесконечный водный простор, заволжские дали, которые открываются с нашего берега, рождали у неё ощущение чего-то очень родного, могучего, богатырского, и она иногда говорила: «Будем считать, что это утёс Стеньки Разина». Для неё это было абсолютно родное. Но в своём творчестве она ввиду своей неординарной одарённости, конечно же, поднималась на уровень видения и слышания мира в целом, как это произошло ещё в большей степени у такого «планетарного» композитора, как Шнитке, детство которого прошло в обыкновеннейшей энгельсской глубинке.

– Александр Иванович, во время концерта Вы объявили об учреждении специального Фонда Елены Гохман. Не могли бы Вы более подробно рассказать о том, с какой целью он создаётся и какие задачи будет решать?

– К великому сожалению, жизнь наследия композитора главным образом связана с реальным звучанием его музыки. Если

она перестаёт звучать, значит, её как бы и нет, и нет того, кто её создал. Поэтому задачей Фонда является планомерное исполнение музыки Елены Владимировны. Пусть не слишком часто, потому что это связано с большими затратными усилиями музыкантов-исполнителей, но её музыка должна звучать. Уже в самое ближайшее время предполагается исполнение «Испанских мадригалов», следующей осенью мы обязательно проведём концерт камерной музыки, и будем стремиться к тому, чтобы силами нашей оперной студии осуществить исполнение двух камерных опер Елены Гохман – «Цветы запоздалые» и «Мошеники поневоле», а на сцене Саратовского оперного театра возобновить великолепный балет «Гойя». Кроме того, надо, чтобы хотя бы раз в два года, звучали её монументальные оратории – «Ave, Maria», «Сумерки», «...И дам ему звезду утреннюю».

У нашего Фонда есть два иногородних представительства – в Астрахани, где его работу возглавляет Наталья Кимовна Тарасова, и в Тамбове, где в аналогичной роли выступает Ольга Вячеславовна Немкова. Имя народной артистки России Натальи Тарасовой мы уже называли – именно она в непосредственном контакте с композитором создала эталонные

интерпретации её самых значительных вокальных циклов. Что касается хорового дирижёра Ольги Немковой, то год назад она организовала у себя потрясающее исполнение оратории «Испанские мадригалы» и, более того, своими силами издала партитуру этого произведения.

В Саратовском отделении Фонда действует группа музыкантов, каждый из которых возглавляет определённый участок творческой работы. Татьяна Нечаева организует камерные программы, Тимур Абсалудинов – наш молодой дирижёр, руководивший исполнением «Испанских мадригалов» в Тамбове (и он же будет исполнять их в апреле у нас в Саратове), берёт на себя симфонические программы. Марина Цапкова, педагог Областного колледжа искусств, отвечает за исполнение хоровой музыки и музыки для детей. Заместителем председателя Фонда является доктор искусствоведения Лилия Алексеевна Вишневская, на долю которой выпала, наверное, самая трудная роль – находить спонсоров, чтобы хоть как-то поддерживать материально трудоёмкие исполнительские инициативы. Наш композитор и звукоинженер Иван Александрович Субботин, который и раньше делал всё, чтобы состоявшиеся концерты были

сохранены в аудио- и видеозаписях, и в дальнейшем будет продолжать эту деятельность. Профессор консерватории, великолепный исполнитель на баяне Владимир Васильевич Грачёв ещё при жизни Елены Владимировны набирал ноты многих её сочинений и продолжает делать эту работу поныне. Внучатый племянник композитора Алексей Молоденков поддерживает созданный им сайт Елены Гохман, где размещены всевозможные материалы, связанные с её творчеством: фонограммы, ноты, электронные версии книг и статей и так далее. Между прочим, я хотел бы напомнить, что в состав нашей команды входят и Вы, Наталья Владимировна, взяв на себя функции, связанные с прессой.

– Присоединяя свой голос в поддержку Фонда, желаю, чтобы это благое начинание продолжалось и укрепляло свои позиции!

– А мне со своей стороны остаётся только высказать пожелание, чтобы этот Фонд стал началом работы по поддержке памяти друзей ушедших из жизни саратовских композиторов.

Беседовала кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории музыки Н.В. Королевская